

Виталий Сёмин

Нагрудный знак “OST”

Виталий Сёмин

НАГРУДНЫЙ ЗНАК
“OST”

АСТ•Москва

УДК 32-31
ББК 84(4Рос)
С30

Переплет Ирина Сальникова

В оформлении переплета использованы фрагменты фотографий из Российского государственного архива кинофотодокументов и NS-Dokumentationszentrum der Stadt Köln

- Сёмин, В. Н.**
С30 НАГРУДНЫЙ ЗНАК “OST” / Виталий Сёмин. — М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. — 631 [9] с. — (На краю войны).

Роман Виталия Сёмина (1927–1978) “Нагрудный знак «OST»” — первое произведение, прорвавшее плотину молчания вокруг трагической темы русских остарбайтеров в гитлеровской Германии. В основу романа легла судьба самого писателя, угнанного подростком на работы в Третий рейх. Автор признавался, как трудно — с «ожогами» и «вскриками» — писалась эта книга, как держало и не отпускало чувство долга перед товарищами по несчастью. Судьба книги была тоже нелегкой. Ее долго не издавали даже в наши либеральные времена. Теперь роман снова находит своего читателя.

ISBN 978-5-17-090652-9

© ООО “Издательство АСТ”
© Сёмин В. Н., наследники

Содержание

Прорванная плотина. <i>П. Полян</i>	7
Нагрудный знак “ОСТ”	15
Плотина	419
Приложение	597
За строкой Нагрудного знака “ОСТ”. <i>В. Кононыхина</i>	599
Стенограмма заседания Совета по русской прозе Союза писателей РСФСР	613

ПРОРВАННАЯ ПЛОТИНА

Нельзя изменить память, не рассекая сосуды.

Виталий Семин

Я говорю за всех с такою силой..

Осип Мандельштам

Когда говорят пушки, когда грохочет война, цена человеческой жизни — ноль.

Вторая мировая война дала пример беспрецедентного цинизма по отношению к военнопленным и жителям оккупированных территорий.

Каждая новая оккупационная зона — это не только штандарты со свастикой на сакральных зданиях поверженных столиц, не только урожаи на полях и полезные ископаемые в глубинах недр, но еще и новые резервуары копеечного труда. А перегревшаяся машина Третьего рейха требовала себе все больше и больше рабочих рук взамен собственных рабочих и крестьян, призываемых воевать. С этой точки зрения просторы Советской России — это не только украинский хлеб, донецкий уголь и майкопская нефть, но и возможности рабского труда на заводах и фабриках, стройках и каменоломнях, сельских и даже городских домохозяйствах в Германии и повсюду, куда простиралась власть вермахта. Советских военнопленных и гражданских рабочих (остарбайтеров, как их величали хозяева, или остовцев, остов, как они называли себя сами) можно было встретить и в Норвегии, и во Франции, и в Румынии и даже

в Англии (на Джерси, Олдерни и других захваченных немцами британских островах в Ла Манше).

Тема плена и принудительного труда в годы войны была в СССР табу до самого его конца: писать об этом не рекомендовалось. Советская историография отделялась общими фразами о разоблаченном в Нюрнберге преступном нацистском режиме. Не занимались ею и историки-диссиденты. Политкорректные письма остовцев и кое-какие документы увидели свет в сборниках “Письма с фашистской каторги” (на украинском языке, 1947) и “Преступные цели — преступные средства” (на русском языке, 1963). Интересно, что сборник документов под заглавием “Немецкая каторга”, еще в 1943 году подготовленный Чрезвычайной государственной комиссией по расследованию национал-социалистических преступлений, хотя и был использован советской стороной на Нюрнбергском процессе, но так и не вышел в свет*.

Если же говорить о репатриации советских граждан, то здесь как раз литературы было сколько угодно, но литературы специфической, сугубо пропагандистской. Малоформатные книжечки и брошюры последних военных месяцев и первых послевоенных лет с характерными названиями типа “Домой на Родину”, “Они вернулись на Родину”, “Родина знает о твоих муках” и тому подобное были в равной степени рассчитаны и на бывших военнопленных, и на оstarбайтеров.

В этом же — пропагандистском — ряду стоит упомянуть и пьесу “Я хочу домой” Сергея Михалкова, удостоенную Сталинской премии II степени за 1946 год. В ней повествуется о борьбе советских офицеров по репатриации Добрынина и Сорокина с английскими офицерами Куком, Скоттом и Эйтом, ни за что не желавшими отпустить на родину маленьких граждан страны со-

* См.: ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 385. Впрочем, составитель сборника Ирина Эрбург (дочь И. Г. Эренбурга) утверждала, что сборник все же вышел, правда, весьма ограниченным тиражом. Обнаружить хотя бы библиографические следы этой публикации не удалось.

ветов — Сашу Бутузова и Иру Соколову*. Ту же идеологическую нагрузку, но в контексте не начала, а разгара Холодной войны, несла и книга полковника А. Брюханова “Вот как это было. О работе миссии по репатриации советских граждан. Воспоминания советского офицера”, вышедшая в Политиздате в 1958 году. Ее автор, в свое время возглавлявший советскую репатриационную миссию в английской оккупационной зоне в Германии и в Дании, стремился показать всему прогрессивному человечеству, как и зачем “вместо того, чтобы помочь нашим соотечественникам вернуться на родину, США и Англия в нарушение своих международных обязательств задерживали советских людей в послевоенное время в лагерях для заполонивших собой всю Европу ДиПи”**.

Плотина умолчания вокруг темы военнопленных и остарбайтеров была прорвана в брежневско-сусловскую эпоху, но сделала это не историческая наука, а русская проза. А еще точнее — единственный прозаик, Виталий Николаевич Семин, замечательный русский писатель с остарбайтерской судьбой.

Ох, и дорого же обошлась ему эта судьба!

Пятнадцатилетний ростовский школьник, угнанный в Германию в 1942-м, отбарабанивший три года невольником в городке Фельберт под Дюссельдорфом и репатрированный на родину в 1945-м, поступая в том же году в железнодорожный техникум, а в 1949-м — на литфак Ростовского пединститута, не стал рас-

* В 1949 году пьеса была экранизирована. Своеобразным ответом русской литературной эмиграции может считаться рассказ А. Седых “Миссии Кати Джексон”, повествующий о фиктивном браке русской оловки Кати и английского офицера по репатриации майора Джексона. Заключенный буквально за час до прибытия в лагерь советской репатриационной миссии, этот брак спас девушку от насильственной репатриации. Рассказ, являющийся с художественной точки зрения бесспорной удачей автора, был опубликован самое позднее в 1948 году.

** *ДиПи* — от DP (или Displaced Persons), что означает “перемещенные лица”.

пространяться о том, где привелось “погостить” во время войны. Но, когда на последнем курсе института “двурушничество” открылось, будущего писателя на волоске от диплома и аспирантуры с треском выставили из вуза.

Семиным заинтересовалось КГБ, пробуя завербовать в банальные стукачи, но, записавшись вольнонаемным и уехав на строительство Куйбышевской ГЭС, Семин сорвался с этого крючка. На Волге он все начинает с чистого листа: продолжает учебу, но на сей раз заочно, в Таганрогском педагогическом. Очным же его университетом стала сельская глубинка Ростовской области, куда он устроился учителем. Только в 1957 году он возвращается в Ростов, где еще некоторое время — как бы по инерции — преподавал (в автодорожном техникуме).

Но в 1958 году порывает с учительством и целиком уходит в писательство (как призвание) и журналистику (как способ прокормления): Семин редакторствовал в ростовской “Вечерке” (здесь увидели свет его первые публикации), а с 1963 года — на ростовском телевидении.

Затем последовали первые заметные публикации в Ростове и Москве — повести “Ласточка-звездочка” (1963) и “Семеро в одном доме” (1965, в “Новом мире”). Первая — о довоенной жизни, вторая — о послевоенной.

А что же между ними, где же война?

Именно война и стала основным плацдармом семинской прозы. Не переставая, работал он над автобиографической вещью, которая потом получила название “Нагрудный знак «OST»”. Позднее признавался, как трудно — с “ожогами” и “вскриками” — она писалась, как звала и совестила его память, как затягивали события двадцатилетней давности, как держали и не отпускали.

Пятнадцатилетний Сергей, от имени которого в “Нагрудном знаке «OST»” ведется повествование, — это не просто слепок с пятнадцатилетнего остова Виталия Семина. Усилием воли в нем сошлись опыт и судьбы многих других остовцев и немцев,

как и опыт многих других возрастов автора, даже судьба отца. Это придает роману многомерный объем и философский смысл.

Едва ли не главный предмет семинского внимания и исследования, особенно в “Плотине”, — категория насилия. Насилия официального, от имени государства, и насилия группового, внутрисоциумного, барачного. Например, от негласной корпорации блатных с их культом круговой жестокости, злобной безжалостности и рефлекторного презрения к каждой отдельной человеческой личности.

Вывод, к которому пришел Семин: “Если в дело замешаны блатные, то, как бы оно ни начиналось, все равно оканчивалось злом”. На противопоставлении и противостоянии с этим миром, как и на его исследовании, Семин закалял самого себя и выстраивал свой собственный мир, в котором действуют нравственные нормы и гуманистические ценности. Семинское “мы” во фразе “Мы ведь останавливаемся там, где блатные не оглядываются” дорогого стоит. Именно поэтому, даже целясь в ненавистных немцев, он так и не спускает крючок.

На Колыме, где мир блатных был вездесущ и монументален, в его, не моргая и не отводя глаз, всматривался Шаламов. Здесь же, в Германии, на чужбине, он не так уж очевиден или бесспорен, но Семин показывает, как он пускает корни и как шпана — все эти Блатыги и Сметаны — с каждым днем забирают все больше авторитета и власти, оставляя людям с нормами, как Сергей, все меньше воздуха и проходу.

Один из рассказов, вошедший потом в роман, был написан в середине шестидесятых годов. Но он был отвергнут в том единственном месте, где мог (и, казалось бы, должен) был быть напечатанным, — в “Новом мире”.

21 августа 1967 года А. Т. Твардовский вынул его из сентябрьского номера и на завтра записал в дневнике: “Вчера позвонил Кондратовичу, чтобы задержали рассказец Семина (по-видимому,

автобиографический) — эпизод из жизни освобожденных из-за немецкой проволоки (угнанных туда на работу), помещенных за нашу проволоку и работающих впредь до проверки на демонтаже немецких предприятий. Ужасная правда, но взятая совсем уж отдельно от всего. Сунуть в цензуру — пойдет дальше, и парня можно окончательно погубить. А ясно, что иначе он не может и не должен ныне писать о том, чего он никогда не забудет”.

Если это забота, то несколько иезуитская, не правда ли? Да и “парню” уже за сорок — на горшок не просится.

В результате первая часть всей вещи под названием “Нагрудный знак «OST»” была опубликована только через десять лет — в 1976 году, в апрельской и майской книжках журнала “Дружба народов”, где главным редактором был ростовчанин Леонард Лавлинский. Через два года, в 1978-м, “Нагрудный знак «OST»” вышел отдельной книгой в серии “Библиотека «Дружбы народов»” с послесловием Игоря Дедкова.

Продолжение “Нагрудного знака «OST»” — незавершенный роман Семина “Плотина” — вышел уже посмертно, в 1982-м.

В конце 2012 года Виктория Николаевна Кононыхина, вдова Виталия Семина, жаловалась мне в письме на то, насколько прочно ее муж был забыт в родном Ростове. А если вспоминали — то уж лучше бы и не брались: настолько безграмотно и безвкусно было все то, что выходило из-под борзых перьев.

Дорогая Виктория Николаевна, но ведь то же самое можно сказать и о России в целом! До чего же хорошо мы умеем не только запрещать и не пущать, но и пробрасываться и не замечать!

Последний раз книга Семина выходила по-русски еще при советской власти — в 1989 году, потом было переиздание в 1991-м с предисловием А. Адамовича. И всё — в Ростове-на-Дону. Столичные издательства не сподобились. Уверен, что и сейчас, в 2015-м, роман снова найдет своего читателя, а читатель — автора.

Павел Полян

Нагрудный знак
“OST”

1

Здание было трехэтажным, бывшее фабричное здание с цементными, приспособленными под тачечные колеса полами, с большой колоннообразной печкой посредине помещений, которые раньше были фабричными цехами. Печек у нас таких не делают, похожи они на увеличенную во много раз буржуйку, известную по кинофильмам о Гражданской войне. Никаких приспособлений для приготовления пищи в такой печке нет — только поддувало и колосники, на которых горит кокс. Печка поражает экономичностью: малое количество кокса сильно разогревает ее, а огромное железное тело, выложенное изнутри кирпичом, как термос, долго сохраняет тепло. От этой печки идут длинные коленчатые дымогарные трубы, выводящие газ через окно. Они идут над двухъярусными койками, подвешенные на толстой железной проволоке к специальным потолочным кронштейнам. И эти выкрашенные черной огнеупорной краской трубы, и низкий над койками потолок, и сами каторжные койки, деревянные или железные, собранные из некрашенных стандартных деталей, придают всему помещению неправдоподобный, невыносимый вид. Живут в таких помещениях от ста до двухсот человек — койки здесь двух-, а к задней стене и трехэтажные. На каждой койке по бумажному матрацу, набитому соломой, и по бумажной подушке, тоже набитой соломой. На каждую